

УДК 342.9

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ КАК ИНСТИТУТ САМОЗАЩИТЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ**Керамова С.Н.**, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *saida14@yandex.ru*

В статье анализируются особенности такой меры самозащиты, как институт крайней необходимости в административном праве, рассматривается судебная практика по таким делам. Говорится, что крайняя необходимость исключает административную ответственность лица за совершение правонарушения. Перечисляются критерии крайней необходимости. Отмечается, что в Кодексе РФ об административных правонарушениях содержатся условия применения крайней необходимости. Выявлена и обоснована необходимость наличия трех условий для исключения противоправности административного правонарушения и освобождения лица от административной ответственности. Формулируются выводы, согласно которым крайняя необходимость как институт самозащиты в административном праве является важным защитным регулятором и применяется при наличии реальной опасности для охраняемых законом интересов, которая не может быть устранена другими средствами.

Ключевые слова: крайняя необходимость, административная ответственность, причиненный вред, предотвращенный вред, самозащита.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-35-3-67-70

UDC 342.9

EXTREME NEED AS AN INSTITUTE OF SELF-DEFENSE IN ADMINISTRATIVE LAW**Keramova S. N.**, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *saida14@yandex.ru*

The article analyzes the features of such a measure of self-defense as the institution of extreme necessity in administrative law, and examines judicial practice in such cases. It is stated that extreme necessity is a circumstance that excludes administrative responsibility of a person for the committed offense. Criteria of extreme necessity are listed. It is noted that the Code of administrative offences of the Russian Federation contains conditions for the use of extreme necessity. The need for three conditions to exclude the illegality of an administrative offense and release a person from administrative responsibility is identified and justified. It is concluded that extreme necessity as an institution of self-defense in administrative law is an important protective regulator and is applied when there is a real danger to the interests protected by law, which cannot be eliminated by other means.

Key words: extreme need, administrative responsibility, harm done, harm prevented, self-defense.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-35-3-67-70

Применение крайней необходимости как меры самозащиты является важной и злободневной проблемой по причине роста административных правонарушений за последние годы и увеличения причиняемого ими ущерба. Самозащита – «это особый (частный) случай защиты, специфика которого проявляется в том, что управомоченное лицо непосредственно своими действиями может защитить свое нарушенное право без обращения к компетентным органам» [1, с. 31]. Крайняя необходимость как институт самозащиты осуществляет важную функцию и способствует активной защите гражданами своих законных прав и интересов. Поэтому рассмотрение условий правомерности крайней необходимости в административном праве является актуальной задачей.

В Кодексе об административных правонарушениях РФ вопросы самозащиты рассматриваются только в одной статье – в статье 2.7, где отме-

чено, что «не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред» [2]. Согласно комментариям к статье 2.7 КоАП, если отсутствует признак вины при применении такой меры самозащиты, как крайняя необходимость, данной статьей лицо не только освобождается от ответственности, но и это деяние не считается административным правонарушением. В пункте 3 части 1 ст. 24.5 КоАП РФ отмечено, что действия в состоянии крайней необходимости исключают производство по делу об административном право-

нарушении. Начатое же производство при указанных обстоятельствах должно быть прекращено.

Следовательно, в КоАП РФ содержатся условия применения крайней необходимости, и действия в условиях крайней необходимости предназначены не только для самозащиты прав граждан, но и для защиты прав и интересов общества и государства.

Среди источников опасности, когда может возникнуть крайняя необходимость, следует назвать: неисправную технику, экстремальные ситуации, нападения зверей, самого человека, причиняющего вред охраняемым законом интересам и др. Как отмечают О.Н. Апанасенко и С.Г. Малюков, «состояние крайней необходимости возникает в экстремальных или опасных ситуациях (пожар, землетрясение, выход из строя оборудования и т.д.), и лицо для спасения одного охраняемого законом правоотношения причиняет вред другому» [1, с. 32]. Надо сказать, что действиями при крайней необходимости может причиняться различный вред. Однако у таких правонарушений имеются общие признаки, в частности, их объектом являются некие ценности, охраняемые законом, объективная сторона выражается только действием, субъективная – проявляется в понимании человеком того, что он причиняет вред как вынужденное средство устранения опасности [3, с. 441].

Следует подчеркнуть, что важно учитывать действия человека, направленные на предотвращение опасности. Их следует производить в момент ее наступления, как отмечают М.С. Курбатова и В.И. Ковшевацкий, не раньше и не позже, «когда оценить ситуацию в полной мере не представляется возможным» [4, с. 199]. Когда превышена соразмерность причиненного вреда к предотвращенному, на правонарушителя возлагается административная ответственность. Из смысла ст. 24.5 КоАП РФ (п. 3, ч. 1) и ст. 2.10 следует, что к административной ответственности за превышение пределов крайней необходимости могут также привлекаться юридические лица.

В силу сказанного можно в какой-то степени объяснить то, что в судебной практике по статье 2.7 КоАП РФ мало положительной практики, отрицательная же практика обширна.

Как правило, в практике распространены дела о нарушении правил дорожного движения в состоянии крайней необходимости. Предметом доказывания крайней необходимости в таком случае, как отмечает А.Ю. Нуянзин, являются: наличие опасности, невозможность устранить вред другими способами, кроме причинения вреда, размер вреда причиненного и предотвращенного [5, с. 182]. Так, для спасения жизни человека можно отступить от некоторых законных обязанностей. Например, водитель не только вправе оставить место дорожно-транспортного происшествия для доставления потерпевшего в клинику, но и должен это сделать [6, с. 33]. Поэтому в практике по делам о таких нарушениях, совершённых в состоянии крайней

необходимости, обычно принимаются положительные решения.

Приведем пример. Тамбовский районный суд отменил постановление в отношении П., который был привлечен к административной ответственности за выезд на полосу встречного движения. Суд не согласился с выводом должностного лица о доказанности вины П. в совершении вменяемого административного правонарушения, указав, что при сложившихся обстоятельствах (проведение дорожных работ, невозможность движения по указанной полосе из-за нахождения на ней автомобиля и работников) проезд по указанной полосе движения был невозможен из-за нахождения на нем автомобиля и работников, и выезд на полосу встречного движения являлся единственно возможным способом продолжить движение. При этом нарушений Правил дорожного движения в действиях П. суд не усмотрел [7].

Таким образом, как видим, важные условия правомерности применения крайней необходимости – это отсутствие возможности устранить опасность другим способом и определение соотношения причиненного вреда к предотвращенному.

Зачастую правонарушитель старается предвидеть характер общественно вредных последствий, опасаясь, что законодатель эти действия расценит как неправомерные [8, с. 81].

На основе вышеизложенного представляется целесообразным привести мнение А.Д. Пивоваровой и О.В. Гарась, которые выделяют пять критериев крайней необходимости: 1) наличие опасности, напрямую угрожающей личности, третьим лицам, социуму или интересам государства; 2) меньший размер причиненного вреда, чем предотвращенного; 3) невозможность устранения опасности безопасным путем; 4) нейтрализация опасности должна происходить в пределах времени ее существования; 5) наличие опасности непосредственной, а не надуманной [9, с. 54].

Д.И. Лопушанская и Ю.И. Чернов, с которыми мы солидарны, полагают, что для признания деяния совершённым в состоянии крайней необходимости достаточно соблюдения трех условий: «1) опасность должна быть непосредственной и способной наступить в будущем, а не абстрактной; 2) она не могла быть устранена иными способами; 3) причинённый вред должен быть меньше, чем вред предотвращённый» [10, с. 229].

Лишь при наличии этих условий противоправность административного правонарушения исключается, а лицо освобождается от административной ответственности. Так, Кизлярским районным судом Республики Дагестан было рассмотрено дело об административном правонарушении по жалобе М. на постановление, вынесенного 14 августа 2019 года ИПДС ОГИБДД ОМВД РФ, согласно которому М. признали виновным и назначили штраф. Судом было установлено, что он ехал по своей полосе со скоростью движения 70–80 км/ч, и перед ним ехала автомашина Лада, с правой стороны на обочине стояла автомашина Газель. После

проезда автомашины Лада водитель автомашины Газель, не включая светового сигнала поворотника, выехал на полосу движения, не уступив ему, следовавшему по своей полосе движения, и он во избежание столкновения, убедившись, что не создает помех, выехал на встречную полосу движения. Однако водитель автомашины Газель допустил столкновение по причине разворота на дороге. Суд сделал вывод о том, что действия М. следует считать совершенными в состоянии крайней необходимости, и они относятся к обстоятельствам, исключая производство по делу об административном правонарушении. Вследствие изложенного суд удовлетворил жалобу М. и решил производство по делу в отношении М. прекратить [11].

Из приведенного примера видно, что суд учел все три условия для признания лица действовавшим в состоянии крайней необходимости, а именно: существовала конкретная опасность жизни людей, ее невозможно было устранить иными средствами, вред, причиненный в результате выезда на встречную полосу, в данном случае является менее значительным по сравнению с предотвращенным вредом.

Рассмотрим случаи отрицательной практики по ст. 2.7 КоАП, когда суды признали ссылки на крайнюю необходимость необоснованными. Так, судом, как правило, не рассматривается как состояние крайней необходимости вождение в нетрезвом виде. К примеру, Калининградским областным судом не были признаны совершенными в условиях крайней необходимости действия водителя И.С., управлявшего транспортным средством с признаками алкогольного опьянения (нарушение речи; изменение цвета кожи на лице; неадекватное поведение), который отказался от освидетельствования на состояние опьянения. Доводы И.С. о том, что он действовал в состоянии крайней необходимости, т.к. должен он был доставить пассажира в медицинское учреждение с приступом эпилепсии, и не знал о правовых последствиях отказа от выполнения требования инспектора ДПС, были признаны несостоятельными, а указанные им обстоятельства

– не отвечающими условиям возникновения состояния крайней необходимости [12].

В заключение сделаем следующие выводы.

Крайняя необходимость как институт самозащиты в административном праве осуществляет важную функцию и применяется при возникновении реальной опасности законным правам и интересам граждан.

В КоАП РФ содержатся условия применения крайней необходимости, и действия в условиях крайней необходимости предназначены не только для самозащиты прав граждан, но и для защиты прав и интересов общества и государства.

Условиями применения крайней необходимости, как представляется, являются следующие: наличие опасности; невозможность устранения вреда другими средствами, кроме как причинением вреда; меньший размер причиненного вреда, чем предотвращенного вреда.

Думается, следует согласиться с учеными, полагающими, что состояние крайней необходимости настолько влияет на объективную и субъективную стороны совершенного деяния, что такие их элементы, как обстановка и цель, доминируют, выводя его из разряда противоправных деяний [13, с. 34].

Когда превышена соразмерность причиненного вреда к предотвращенному вреду, на правонарушителя возлагается административная ответственность.

Следует подчеркнуть, что в судебной практике по статье 2.7 КоАП РФ мало положительной практики, отрицательная же практика обширна.

Что касается положительной практики, то из приведенных примеров видно, что для того, чтобы признать лицо действовавшим в состоянии крайней необходимости, необходимо соблюдение вышеперечисленных трех условий и наличие убедительных доказательств. Лишь при наличии этих трех условий исключается противоправность административного правонарушения, и лицо освобождается от административной ответственности.

Литература

1. *Апанасенко О.Н., Малюков С.Г.* Самозащита в административном праве: новое в законодательстве // Евразийский союз ученых (ЕСУ) // Юридические науки. 2015. № 4 (13). С. 31–33.
2. Кодекс об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: в ред. от 1 апр. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Гурьянова В.В.* Крайняя необходимость по КОАП РФ (практика и особенности применения) // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5 (21). С. 440–442.
4. *Курбатова М.С., Ковшевацкий В.И.* Понятие крайней необходимости в административном праве // Актуальные вопросы применения норм административного права ("Корневские чтения"): сб. науч. тр. III междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 198–200.
5. *Нуязин А.Ю.* Крайняя необходимость по Кодексу об административных правонарушениях РФ (практика и особенности применения) // Научный журнал «Дискурс». 2017. № 5 (7). С. 179–186.
6. *Хозяинов А.Г.* Механизмы реализации института крайней необходимости // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2015. № 3. С. 33–39.
7. Решение № 12-253/2018 12-253/2019 Тамбовского районного суда (Тамбовская область) от 24 сент. 2019 г. по делу № 12-253/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/B0DIhr99GaYW/> (дата обращения: 22.04.2020).

8. *Ляпунов Ю.И.* Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. М.: Акад. МВД СССР, 1970.
9. *Пивоварова А.Д., Карась О.Г.* Крайняя необходимость в административном праве // Парадигма науки глазами молодых в условиях модернизации общественного сознания: XIII междунар. науч. конф. 2019. С. 52–54.
10. *Лопушанская Д.И., Чернов Ю.И.* Крайняя необходимость в административно-деликтном праве // Проблемы и перспективы развития современной науки: сб. ст. междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Вострецова. 2017. С. 227–231.
11. Решение № 12-39/2019 Кизлярского районного суда (Республика Дагестан) от 10 сент. 2019 г. по делу № 12-39/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WGKfHR7XzKVx/> (дата обращения: 22.04.2020).
12. Постановление №4А-446/2019 Калининградского областного суда (Калининградская область) от 21 окт. 2019 г. по делу № 4А-446/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0QvoVS6MKNH5/> (дата обращения: 25.04.2020).
13. *Улюмджиев Е.А.* Эффективность административного права: некоторые вопросы теории // Юридический мир. 2016. № 5. С. 34–39.
14. *Пахомова К.Ю., Юшко А.В., Очаковский В.А.* Категория малозначительность деяния в административном праве // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 3. Екатеринбург. 15 мая. 2017. С. 52–156.

References

1. *Apanasenko O.N., Malyukov S.G.* Samozashchita v administrativnom prave: novoe v zakonodatel'stve // Evraziiskii soyuz uchenykh (ESU) // Yuridicheskie nauki 2015. № 4 (13). S. 31–33.
2. Kodeks ob administrativnykh pravonarusheniyyakh ot 30 dek. 2001 g. №195-FZ: v red. ot 1 apr. 2020 g. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. *Gur'yanova V.V.* Krainyaya neobkhodimost' po KOAP RF (praktika i osobennosti primeneniya) // Alleya nauki. 2018. Т. 3. № 5 (21). S. 440–442.
4. *Kurbatova M.S., Kovshevskii V.I.* Ponyatie krainei neobkhodimosti v administrativnom prave // Aktual'nye voprosy primeneniya norm administrativnogo prava ("Korenevskie chteniya"): sb. nauch. tr. III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2019. S. 198–200.
5. *Nuyanzin A.Yu.* Krainyaya neobkhodimost' po Kodeksu ob administrativnykh pravonarusheniyyakh RF (praktika i osobennosti primeneniya) // Nauchnyi zhurnal «Diskurs». 2017. № 5 (7). S. 179–186.
6. *Khozyainov A.G.* Mekhanizmy realizatsii instituta krainei neobkhodimosti // Byulleten' Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii. 2015. № 3. S. 33–39.
7. Reshenie № 12-253/2018 12-253/2019 Tambovskogo raionnogo suda (Tambovskaya oblast') ot 24 sent. 2019 g. po delu № 12-253/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/B0DIhr99GaYW/> (data obrashcheniya: 22.04.2020).
8. *Lyapunov Yu.I.* Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya. M.: Akad. MVD SSSR, 1970.
9. *Pivovarova A.D., Karas' O.G.* Krainyaya neobkhodimost' v administrativnom prave // Paradigma nauki glazami molodykh v usloviyakh modernizatsii obshchestvennogo soznaniya: XIII mezhdunar. nauch. konf. 2019. S. 52–54.
10. *Lopushanskaya D.I., Chernov Yu.I.* Krainyaya neobkhodimost' v administrativno-deliktnom prave // Problemy i perspektivy razvitiya sovremennoi nauki: sb. st. mezhdunar. (zaochnoi) nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. A.I. Vostretsova. 2017. S. 227–231.
11. Reshenie № 12-39/2019 Kizlyarskogo raionnogo suda (Respublika Dagestan) ot 10 sent. 2019 g. po delu № 12-39/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WGKfHR7XzKVx/> (data obrashcheniya: 22.04.2020).
12. Postanovlenie №4А-446/2019 Kaliningradskogo oblastnogo suda (Kaliningradskaya oblast') ot 21 okt. 2019 g. po delu № 4А-446/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0QvoVS6MKNH5/> (data obrashcheniya: 25.04.2020).
13. *Ulyumdzhiev E.A.* Effektivnost' administrativnogo prava: nekotorye voprosy teorii // Yuridicheskiy mir. 2016. № 5. S. 34–39.
14. *Pakhomova K.Yu., Yushko A.V., Ochakovskii V.A.* Kategoriya maloznachitel'nost' deyaniya v administrativnom prave // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya nauchnoi mysli v sovremennom mire: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 4 ch. Ch. 3. Ekaterinburg. 15 maya. 2017. S. 52–156.

Поступила в редакцию 11 июля 2020 г.
Received 11 July, 2020